

Как возникают новые формы отрицания в калмыцком языке¹

1. Введение

История монгольских языков отражает разнообразные трансформации системы среднемонгольского отрицания, в результате которых в современных монгольских языках одни формы стали существенно менее употребительными или были полностью вытеснены другими, которые не использовались прежде или встречались лишь в ограниченных контекстах [Yu 1991; Brosig 2015; Baranova 2015]. Наиболее значительным изменением является частичная или полная замена препозитивных форм отрицания постпозитивными.

В среднемонгольском отрицательные частицы предшествовали финитной форме глагола. Как показал Вонсо Ю, отрицание зависело от видо-временной формы: глаголы и глагольные формы в прошедшем времени и/или перфективы отрицались препозитивной частицей *ese*, тогда как формы не прошедшего времени / имперфектив сочетались с частицей *ülü* [Yu 1991: 45]; см. также [Brosig 2015]. Именное отрицание *ügei* и *busu* (< *busu* 'другой') употреблялись после существительных, местоимений, прилагательных, наречий и числительных [Yu 1991: 3], но постепенно эти формы проникли в зону стандартного отрицания и частично вытеснили препозитивные отрицательные частицы. Не останавливаясь в данном случае на характеристиках данного процесса, отметим, что в большинстве современных монгольских языков маркером стандартного отрицания является постпозитивный показатель — копула *ugei* или входящий к ней аффикс *-güi* (например, в халха-монгольском).

В современном калмыцком отрицание *ülü* не используется, хотя встречается в языке эпоса [Пюрбеев 2015: 104]. Препозитивная частица *ese* регулярно используется в письменной и устной речи, хотя частотность и контекст употребления несколько изменились (для краткости не останавливаемся на этом вопросе подробнее, процентное соотношение показателя в корпусе представлено в [Baranova 2015]). Наиболее важным изменением является то, что постпозитивные показатели *uga* и *biša* (< *busu*), наоборот, существенно расширили сферу употребления и могут использоваться как с именными, так и с глагольными основами.

Обе формы в качестве глагольного отрицания образуют в калмыцком языке стяженные варианты показателей *-go* (< *uga*) и *-ša* (< *biša*) соответственно. Традиционно они рассматриваются как разговорные синонимы полных форм, однако, забегая вперед, отметим, что полевые данные и корпусные материалы показывают, что в сочетании с разными видовременными формами используются преимущественно аффиксы или полные формы, т. е. существует тенденция к распределению полных и стяженных форм (и формирование особой грамматической семантики последних). Обращает на себя внимание то, что контексты употребления полных или стяженных форм обусловлены не фонетикой, а грамматикой/семантикой: стяженные формы не возникают в функции именного отрицания, даже в том звуковом окружении, где с глагольными формами используются стяженные формы.

Грамматикализация отрицания является достаточно характерным для разных языков процессом. Распределение полных форм и дублирующих их стяженных показателей с развитием особой семантики на фоне использования преимущественно с той или иной грамматической формой также представляется достаточно закономерным. Одним из факторов, влияющих на изменения в языке и образование новых форм, является частотность, поэтому ниже будут рассмотрены количественные характеристики полных и стяженных форм. Однако для анализа грамматикализационных процессов важна не только частотность сама по себе, но и контекст употребления формы отрицания и тип конструкции с ее участием (в частности, глагольная или неглагольная предикация).

Цель данного исследования — анализ сочетаемости полных и стяженных форм постпозитивного отрицания (показателей *uga*, *biša*, *-go* и *-ša*) в современном калмыцком языке. В фокусе будут находиться именно стяженные формы, поскольку они не становились прежде предметом отдельного рассмотрения. Наибольшее внимание будет уделено форме *-ša*, поскольку этот показатель не представлен в других монгольских языках. Стяженный показатель *-go* ранее кратко рассматривался в [Баранова, в печати].

¹ Исследование выполнено при поддержке коллективного гранта РФФИ 16-34-01015-ОГН/18 «Отрицание в башкирском, калмыцком и нанайском языках и его взаимодействие с видом и временем».

Статья основана как на данных анкет, так и на текстах. В первом случае, носителям языка были предложены русские предложения для перевода или калмыцкие фразы для оценки их приемлемости. Текстовые источники были двух типов. Устные тексты записаны в поселках Кетченеровского и Сарпинского районов Республики Калмыкия в 2007—2015 гг. по возможности в спонтанной коммуникации (часть текстов опубликована в [Сай и др. 2009]). Кроме того, в статье использованы материалы поиска в двух корпусах письменных текстов современного калмыцкого языка (Калмыцкий корпус, 800 тыс. слов [КК] и Национальный корпус калмыцкого языка, 10 млн. слов [НККЯ 2012])². Тяжеленные формы не использовались в старокалмыцком, поэтому в данной статье будут рассматриваться только современные устные и письменные тексты, тогда как история постпозитивных форм в ойратском/старокалмыцком будет привлекаться только по мере необходимости.

Статья организована следующим образом: сначала рассматривается возникновение тяжеленных форм в монгольских языках (Раздел 2), затем семантика и сочетаемость аффикса *-šə* и полной формы *bišə* (Раздел 3), далее в Разделе 4 приведены данные об особенностях употребления в современной устной и письменной речи показателя *-go*. В разделе 5 рассматривается частотность разных форм отрицания, а в Разделе 6 сформулированы некоторые выводы.

2. Возникновение и употребление тяжеленных форм отрицания в монгольских языках

Как уже отмечено выше, два показателя отрицания представляют собой морфологизованные варианты полных форм отрицания, также представленных в современном калмыцком языке. Они имеют достаточно прозрачную и на синхронном уровне внутреннюю форму: показатель *-go* из полной формы связи *uga* (среднемонгольское *ügei*) и аффикс отрицания *-šə* из постпозитивного показателя *bišə*. Тяжеленная форма показателя, восходящая к *ügei*, характерна для разных монгольских языков и фонетические трансформации в основном соответствуют полной форме: вариантами *-güi* в центральной группе идиомов (халха-монгольский, бурятский), в калмыцком представлено формой *-go*.

Важная особенность калмыцкого языка — широкое использование полной формы *uga* и конкуренция со тяжеленной формой в качестве маркера стандартного отрицания (глагольного отрицания в декларативных предложениях, см. [Miestamo 2005]). Во многих монгольских языках показателем стандартного отрицания служит аффикс, восходящий к *ügei*, тогда как полная форма *ügei* используется как связка в неглагольных предложениях, в основном в качестве экзистенциального отрицания (см. об отрицании в бытийных предложениях [Veselinova 2013]), а также в качестве слова ‘нет’ в диалоге (закономерное развитие для исходного значения *ügei* ‘отсутствие’). Эта относительно маргинальная семантика полного показателя проявляется в частотности: он употребляется реже, чем тяжеленная форма. Например, поиск в Бурятском корпусе [БК 2014] показывает, что отрицание *угы* встречается 5599 раз, преимущественно в контекстах ответного ‘нет’ или экзистенциального отрицания. Глагольное отрицание и именное (кариатив) отрицание выражается аффиксом *-гуй* (42197 вхождений, т. е. более чем в 7,5 раз больше, чем форма *угы*). Однако в калмыцком языке это соотношение иное: *uga* является наиболее частотной формой отрицания, сочетающейся как с именными, так и с глагольными основами. В Национальном корпусе калмыцкого языка [НККЯ 2012] *uga* встречается 67649 (38,99% от всех случаев употребления отрицания), тогда как тяжеленная форма *-go* — 42260 раз (24,36% от всех форм отрицания).

Грамматикализация **busi* в показатель отрицания из местоимения ‘другой’ возникает достаточно рано. Б. Бросиг отмечает, что развитие *busi* ‘other’ для отрицания предложений характеристики происходило в восточной группе в поздний период среднемонгольского, но «не затронуло могольский, который мог отколоться ранее» [Brosig 2015: 126]. Однако исходное употребление не исчезло полностью, и в текстах наблюдается распределение грамматикализованного употребления отрицания *bisi* и слова ‘другой’ в зависимости от порядка слов. Например, в монгольском памятнике XVIII в. «Халха джирум»

² Я хотела бы поблагодарить разработчиков Национального корпуса калмыцкого языка в КИГИ РАН (рук. В. В. Куканова), а также Т. Г. Басангову, Д. Б. Гедееву, О. А. Зезинг и Н. О. Кокшаеву за консультации при переводе отдельных примеров из корпусов. В статье примеры из корпусов приведены в стандартной калмыцкой (бурятской, монгольской) орфографии и сопровождаются глоссами и указанием на корпус (КК или НККЯ). Примеры на ойратском/старокалмыцком и других монгольских из опубликованных текстов приводятся в транскрипции публикатора и не сопровождаются глоссами, если их не было в исходном источнике. Собственные полевые записи приводятся в транскрипции. Глоссирование для всех примеров из анкет и устных текстов в основном следует лейпцигским правилам. Основные глоссы приведены в списке сокращений в конце статьи.

отрицательная частица *bisi*, находясь перед именем, употребляется в значении ‘другой, иной’ и по существу является самостоятельным словом: *elci kümün zokicazi abqu yayuma-ban ese abuyad, bisi kümün-ese abubasu* [I, 11—138] ‘Если посланец по уговору с кем-либо не взыщет с него, то, что следует, а взыщет с другого’... Если же частица *bisi* стоит после имени, то она выступает в собственно отрицательном значении: *morin-aéa bisi yambar čigi mal yabayul-i mon ene yosuyar noyad sayid-tu sonusqazi bari* [XIV, 26—279] ‘Всякий заблудившийся скот, за исключением коней, надлежит задерживать по сему положению, сообщая нойонам и сайтам’ [Пюрбеев 2012: 181—182].

Сложно судить о том, когда возникает стяженная форма. Насколько можно доверять транскрипции с «Тодо бичиг», в большинстве текстов XVIII—XIX не использовалась ни одна, ни другая стяженная форма (см. [Krueger, Service 2002; Сусеева 2003; Кокшаева 2011] и др.). Однако, по-видимому, она была представлена в какой-то мере в устной речи, поскольку стяженная форма *-šə* представлена как в языке ойратов Синцзяня, так и в современном калмыцком, то есть должна была существовать до прекращения языковых контактов между идиомами. Е. В. Бембеев отмечает, что в «Сказании о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» (рубеж XIX—XX вв.), в целом ориентированном на современный автору текста язык, встречается форма отрицания *-š* [Бембеев 2004: 114].

Образование стяженной формы *-šə* представляется гораздо более редким явлением в монгольских языках (по сравнению с аффиксом *-güi*): кроме ойратского/калмыцкого она встречается только в баоанском и языке желтых уйгуров. В баоанском аффикс, возникший из сочетания причастия будущего времени и отрицания *bišə*, закономерно используется в контексте отрицания будущего события.

- (1) *bede kelge shi* (Bonan, [Wu 2003: 343])
‘Мы не скажем’.

Однако примеры для баоанского из работы [Тодаева 1964] показывают несколько иную картину: аффикс *-ši* используется как связка в неглагольных предложениях и с именами в контексте противопоставления (пример 2). Так или иначе, на синхронном уровне нет сосуществования полной и стяженной формы.

- (2) *энэ һура ші часов о* (баоаньский, [Тодаева 1964: 106])
‘Это не дождь, а снег’.

В языке желтых уйгуров ситуация ближе к калмыцкому: представлена полная форма, частица *puši*, в качестве именного отрицания, и стяженная форма, которая отрицает будущее время (примеры 3, 4).

- (3) *би натэгэ uui* (ширя-уйгурский, [Тенишев, Тодаева 1966: 70])
‘Я не буду играть’

- (4) *odoo li erese bi saaghighi-sh’we* (Shira Yughur, [Nugteren 2003: 283])
‘Если он не придет сейчас, я не буду ждать больше’.

Х. Нугтерен, однако, отмечает, что аффикс может использоваться и для отрицания формы на *-nAi* [Nugteren 2003: 283], т. е. замещать форму настоящего времени, но данных для анализа недостаточно.

В калмыцком и разных вариантах ойратского языка причастие будущего на *-x* сочетается как со стяженной формой отрицания *-go* (образуя формы *-šgō/šguā*), так и с отрицанием *biš*, *-š* (см. также [Rákos 2015: 96]). Важное отличие калмыцкого/ойратского стяженного показателя *-š* состоит в том, что его сочетание с причастием будущего времени указывает на отрицание события в настоящем (или, по крайней мере, не встречается в несомненных контекстах будущего времени, как предлагает интерпретировать А. Ракош³)

jamaran фамилия *jov-x-n'* *med-ža-x-š-u*
который фамилия идти-PC.FUT-P.3 знать-PROG-PC.FUT-NEG-1SG
‘Не знаю, под какой фамилией он (сейчас) записан’.

Границы категории будущего времени в монгольских языках достаточно условны (см. об этом [Binnick 2016]), однако для калмыцкого достаточно отчетливо при отрицании распределены контексты собственно будущего времени, которое образует та же форма причастия на *-x*, но с отрицанием *-go*, и настоящее или расширенное настоящее, которое образует причастие на *-x* с отрицанием *-š*.

³ А. Ракош любезно предоставил нам эти сведения в личном сообщении.

- (5) *maŋdur bidn ködäl-š-go-vidn*
завтра 1PL работать-PC.FUT-NEG-1PL
'Завтра мы не работаем'.

Таким образом, можно говорить о специфическом развитии стяженного показателя *-šə/-ši* в разных вариантах ойратского/калмыцкого, при котором стяженный показатель отрицания *-šə* с причастием будущего времени на *-х* обладает некомпозиционной семантикой и обычно описывает события с временной референцией к настоящему (в отличие от закономерного прочтения этой формы как отрицания будущего времени в баоанском и уйгурском). Полная форма *bišə* также используется в современном калмыцком языке. Рассмотрим далее соотношение полной и краткой форм отрицания, а также сочетаемость с разными видо-временными формами по данным корпусов стандартного калмыцкого языка и устных текстов.

3. Семантика полной формы отрицания *bišə* и аффикса *-šə* в калмыцком языке: пересечения и дистрибуция

В текстах на старокалмыцком форма *biš* в неглагольных предикациях частица *biš* выражает аскриптивное отрицание, т. е. отрицание в конструкциях характеристики:

- (6) *ike sayin mörin bišai bilei* ([Krueger, Service 2002: 27] Letter 9, 7—8).
'Это не очень хорошая лошадь'

Хотя для большинства письменных текстов того времени сложно восстановить прагматический контекст, можно говорить о том, что *bišə* имеет эмфатический оттенок и образует утверждение.

- (7) *мини экэ бишү* ([Сусеева 2003: 78], письмо посланника Аю от апреля 1714)
'Разве она не моя мать'

Сходным образом показатель ведет себя с причастными формами. Д. А. Сусеева последовательно переводит эти формы риторическими вопросами, хотя собственно вопросительного показателя они не содержат:

- (8) *Урдаки дайин цагийин зарһуйиги орээгсэн бишү* [Сусеева 2003: 83].
'После войны суды разве не совершались нами?'

В современном калмыцком языке выделяются два основных употребления формы *bišə*: 1) в качестве связки, расположенной в абсолютном конце, *bišə* относится ко всей клаузе и может согласовываться — принимать лично-числовые показатели (пример 10) и 2) как именное отрицание *bišə* примыкает к составляющей и отрицает какой-либо признак или тождество предмета.

- (9) *CC-т ор-х-мн биш, чи теднд кергтэ биш-ч* [KK].
CC-DAT входить-PC.FUT-COP.AFF NEG.PRS 2SG там-DAT надо NEG.PRS-2SG
'Не следует входить в CC, ты им не нужен {мы призываем тебя идти в вермахт}'.

Чаще всего и м е н н о е отрицание *bišə* отрицает признак предмета:

- (10) *Түгэ-лһнэ: 2 өрэл куб, 4 ик биш хурвлжн призм,*
раздавать-NMLZ-EXT-GEN 2 половина куб 4 большой NEG треугольник призма
1 пластин, чолу-д, кубик-муд [KK].
1 пластина камень-PL кубик-PL
'Дано: 2 половины куба, 4 небольших треугольных призм, 1 пластина, камни, кубики'.

Несмотря на существенную грамматикализацию *bišə*, оно частично сохраняет семантику 'другой, иной' в конструкции 'не только, но и...':

- (11) *батхн, чамд нөкд болх биш, бий-м дур-н-а гөм-д*
муха 2SG.DAT помощь статья-PC.FUT NEG.PRS тело-P.1SG желание-EXT-GEN паутина-DAT
орал-д-жс од-сн бээ-нэ-в [KK]
обернуть-RECIP-CVB.IPF уходить-PC.PST быть-PRS-1SG
'Муха, (я) не то, что тебе помочь, сама в паутине любви {и не знаю, кого бы попросить мне помочь}'.

В этой конструкции форма *bišə* выполняет функции эксплетивного или плеонастического отрицания, т. е. такого отрицания, при котором собственно отрицательного компонента нет в семантике [Horn 2010: 126]. В устных текстах в этой конструкции используется и полная форма, и аффикс *-šə*:

- (12) *ter övg-n-ä id-sən xotə-n' üz-xə-šə bi küükə-n'*
 тот старик-EXT-GEN есть-PC.PST еда-Р.3 видеть-PC.FUT-NEG. 1SG.NOM девочка-Р.3
bula-ž av-x-u gi-žä-nä
 вырывать-CVB.IPF брат-PC.FUT-1SG говорить-PROG-PRS
 '«Я не только увижу, как старик ест, но и возьму его дочь», — говорит'.

Плеонастичность отрицания в данной конструкции приводит к случаям двойного отрицания *bišə* и *-šə* в одной клаузе, которое в целом не характерно для монгольских языков (см. о некоторых случаях в статье [Пюрбеев 1974]).

- (13) *мини бор жорал-ад орк-хла, хажуд йов-х мөр-д хатрх*
 1SG.GEN сивый бежать-CVB.ANT класть-CVB.SUCC рядом идти-PC.FUT лошадь-PL рысь
биш довл-ж дах-х-и [KK]
 NEG.PRS идти.галопом-CVB.IPF следовать-PC.FUT-NEG
 'Если моя лошадь пойдет легкой походкой, (то) рядом бегущие лошади не (только) рысью, (но и) галопом не догонят'.

В таких случаях собственно отрицание передается стяженной формой, тогда как полная форма *bišə* в качестве плеонастического отрицания сигнализирует об аддитивной конструкции 'не только X, но и Y'.

Рассмотрим, как соотносится полная форма и аффикс в тех случаях, когда отрицание есть в пропозиции. Стяженная форма отрицания *-šə* используется преимущественно с формой причастия будущего времени⁴. Например, в одном из корпусов (KK) из 970 случаев употребления стяженной формы 906 случаев — это сочетания аффикса *-šə* с причастием будущего времени на *-х*. Причастие будущего времени может использоваться и с полной формой *bišə* однако существенно реже (N=42). Несколько чаще (N=144) форма причастия будущего времени сочетается с формой *bišə* вместе с утвердительной связкой, грамматикализовавшейся в современном языке в усилительную/подтвердительную частицу *-mn* (происходящей из связки *mön*). Наоборот, стяженная форма отрицания не встречается в одной словоформе с утвердительной частицей *-mn*.

Кроме того, существует семантическое различие между стяженной и полной формой. Полная форма *-х(-mn) bišə* не являются нейтральной и выражает, в частности, долженствование.

- (14) *Зуг халун-а цаг-т кеер, хур-ин хөөн үлд-сн цандг-ин ус*
 только жара-GEN время-DAT степь дождь-GEN после оставаться-PC.PST лужа-GEN вода
өг-х-мн биш [НККЯ 2012]
 давать-PC.FUT-COP.AFF NEG.PRS
 'Только не надо в летнее время после дождя давать воду из лужи'.

Иногда можно говорить не о долженствовании, но об эмфатическом выделении:

- (15) (...) *oda ik ваха-г вар deer-n' av-ad jov-x-m bišə*
 сейчас большой свинья-ACC рука поверхность-Р.3 брат-PC.FUT-NEG.PRS
 '«Не нести же нам большую свинью на руках!»'

Значение долженствования появляется и в сочетании полной формы с хабитуальным причастием (с аффиксом *-šə* хабитуальное причастие не употребляется):

- (16) *sään kövü-d tii-gd-əm bišə!*
 хороший мальчик-PL так.делать-PC.HAB-COP.AFF NEG.PRS
 'Хорошие мальчики так не делают!'

Полная форма чаще всего используется с именами, тогда как аффикс *-šə* может присоединяться только к глагольным основам. Кроме сочетаний с причастием будущего времени, покрывающими 93% от всех употреблений в Калмыцком корпусе, аффикс встречается с финитной формой прошедшего времени на *-v* (N=64). (Ранее подобные сочетания не были отмечены в грамматиках). Полная форма с отрицания *bišə* с финитными формами не сочетается.

⁴ В грамматике [Санжеев и др. 1983] сказано, что только с данной формой.

- (17) *Тегэд чигн Коля тадн-д бичк-бичкн-эр кел-жэ* **өг-в-ш,**
 потом хотя Коля 3PL-DAT мало-мало-INS говорить-CVB.IPF дать-PST-NEG
гижэ Сима хочкн-ад инэ-в [КК]
 говорить-CVB.IPF Сима хохотать-CVB.ANT смеяться-PST
 ‘Но Коля же им чуть-чуть не рассказал, — засмеялась Сима’.

Сочетаемость полной и стяженной формы по материалам Калмыцкого корпуса суммированы в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение *bišə* и *-šə* с разными формами по данным КК

Форма	<i>bišə</i>	<i>-šə</i>	% аффикса <i>-šə</i>
финитная форма прош.вр. на <i>-v</i>	0	64	100
причастие будущего времени на <i>-x</i>	42	905	95,5
причастие будущего времени на <i>-x</i> с усилительной частицей <i>-mn</i>	144	0	0
хабитуальное причастие на <i>-dg</i> с усилительной частицей <i>-mn</i>	162	0	0
Имена	1055	0	0
другое	340	1	0,2
Итого	1743	970	35,75

Данные в Таблице 1 показывают, что в большинстве случаев наблюдается дополнительная дистрибуция полной и стяженной формы отрицания: с именами сочетается только полная форма, с финитной формой прош. вр. представлена только стяженная форма. Сочетание именного по происхождению отрицания *bišə* с причастиями предполагает употребление усилительной частицы — рефлекса грамматикализовавшейся связи *tōn* (все сочетания с хабитуальным причастием и большинство употреблений с причастием будущего времени). Пересечение полной и стяженной формы происходит только в сочетании с причастием будущего времени, составляющими большинство употреблений аффикса *-šə* и один из случаев неименного использования *bišə*. Однако эти формы нельзя назвать синонимичными: аффикс отрицания *-šə* является нейтральной формой, в отличие от полной формы, имеющей значение долженствования.

4. Стяженная форма *-go* на фоне полной формы *uga*

Аффикс *-go* является вторым по частотности (после отрицания *uga*) как в устных текстах, так и литературном языке, по данным корпусов НККЯ и КК (в устных текстах он составляет 22,81%, в КК 20% и в НККЯ 24.36% от всех форм отрицания). Если для стяженной формы *-šə* зафиксированы только сочетания с причастием будущего времени на *-x* и с формой прошедшего времени на *-v*, то для аффикса отрицания *-go* возможно больше вариантов. Распределение с различными формами по данным [КК] дает следующую картину: отрицательный аффикс чаще всего встречается с причастием будущего времени, хабитуальным причастием и слитным деепричастием или номинализацией на *-l*.

Частотные формы, например, причастие будущего времени с отрицательным показателем, включаются в парадигму и после бывшей клитики-отрицания возможны показатели посессивного рефлексива или личного посессива. Кроме того, крайне интересной является форма *-l-go-n*, представленная в устной речи, но отсутствующая в корпусах [КК] и [НККЯ], опирающихся на письменные тексты.

- (18) *Gerəl udan ixal-l-go-n kel-žä-nä*
 Герл долго думать-CVB.MOD-NEG-EXT говорить-PROG-PRS
 ‘Герл, недолго думая, говорит...’.

В [Баранова, в печати] *-n* в составе этой формы рассматривается как показатель основы в именительном падеже, пропадающий в большинстве косвенных падежей (в глоссах EXT) после сочетания аффикса отрицания со слитным деепричастием. Морфологизация стяженного показателя отрицания приводит, таким образом, к встраиванию бывшей клитики в словоформу и появлению падежных показателей после отрицания.

Для аффикса *-go* нельзя говорить о синонимии с полной формой *uga*. Стяженная форма не используется с именами за исключением отглагольных имен с аффиксом *-l* (в значении ‘без чего-то’ употребляется форма *uga*), с причастием прошедшего времени и соединительным и разделительным деепричастиями, а полная форма не используется со слитным деепричастием на *-n* (> *-l* перед отрицанием) и в составе показателя апрехензива или превентива на *-vza* или *-vz-go*, выражающего опасение говорящего по поводу возможного события.

Таблица 2

Отрицание *uga* и отрицательный аффикс *-go* с разными формами (КК)

Форма	<i>uga</i>	<i>-go</i>	% аффикса
апребензив на <i>-vz</i>	0	10	100
причастие будущего времени на <i>-x</i>	32	928	97
хабитуальное причастие на <i>-dg</i>	15	370	96
слитное деепричастие или отглагольное имя на <i>-l</i> ⁵	746	995	57
разделительное деепричастие на <i>-Ad</i>	353	23	6
причастие прошедшего времени на <i>-sən</i>	711	0	0
соединительное деепричастие на <i>-ǰə</i>	46	0	0

Таким образом, можно говорить о тенденции к дистрибуции стяженного показателя и полной формы. Некоторые формы «закрепляются» за стяженной формой (например, апребензив и причастие будущего времени или хабитуальное причастие), некоторые встречаются только с полной (как причастие прошедшего времени), тогда как для отглагольных имен возможно синонимичное употребление и полной, и краткой формы.

5. Развитие стяженных форм отрицания и частотность

Выше было показано, что корпусные данные демонстрируют распределение стяженных и полных форм показателей отрицания в калмыцком языке. Почему в одних контекстах происходит стяжение и морфологизация показателя, а в других нет? Рассмотрим, как соотносится частотность той или иной формы и развитие в этом контексте стяженного показателя. Сами показатели отрицания *uga* и *bišə*, а также соответствующие им аффиксы *-go* и *-ǰə* являются частотными формами.

Таблица 3

Частотность полных и стяженных форм отрицания в корпусе (адаптированный вариант таблицы из [Baranova 2015])

	<i>uga</i>		<i>-go</i>		<i>bišə</i>		<i>-ǰə</i>	
НККЯ	67649	8456 ipm	42260	5282 ipm	17321	2165	18288	2286 ipm
КК	6390	7987,5 ipm	2330	2912,5 ipm	1771	2213,7 ipm	970	1212,5 ipm

Как показано в Таблице 4, все приведенные формы отрицания имеют высокий показатель употребления на миллион слов (ipm). Наиболее частотным вариантом отрицания является *uga*, вторым по частотности является стяженный показатель *-go*, тогда как маркеры *bišə* и *-ǰə* используются реже, чем *uga/-go* и примерно одинаково между собой (в наиболее полном корпусе, НККЯ, стяженный вариант *-ǰə* несколько преобладает над полным, в небольшом корпусе, КК, — наоборот).

Однако для развития аффиксов из полных форм важна не только частотность показателя отрицания *per se*, но и контекст употребления: фонетическое окружение и частотность отрицаемой формы. В разделах 3 и 4 было показано, что стяженные формы отрицания *-go* и *-ǰə* используются с причастиями будущего времени. С одной стороны, это достаточно частотная форма, однако сама по себе этот фактор не приводит к морфологизации отрицания. В частности, наиболее частотной нефинитной формой, по данным Калмыцкого корпуса, является причастие прошедшего времени на *-sən* (55488 вхождений), на втором месте соединительное деепричастие (38891) и лишь на третьем находится причастие будущего времени (34856), следующая по частотности нефинитная глагольная форма — разделительное деепричастие на *-ad* (N=32888). Однако причастие прошедшего времени не сочетается с аффиксами отрицания *-go* или *-ǰə*, а разделительное деепричастие лишь иногда встречается с аффиксом *-go*. Для отрицания этих форм в современном калмыцком языке используется полная форма *uga* (N=711 с причастием прошедшего времени, 359 примеров с разделительным деепричастием; соединительное деепричастие практически не встречается с отрицанием). Зато стяженная форма *-go* используется с менее частотным хабитуальным причастием (22328 вхождений в КК), также как с относительно редким модальным деепричастием и крайне редкой формой апребензива.

⁵ При автоматическом поиске не отделить отглагольные существительные и модальное деепричастие перед отрицательным аффиксом, однако ручной просмотр показывает, что с отглагольными именами с суффиксом *-l* используются и полная форма, и аффикс, но с модальным деепричастием — только аффикс.

Дж. Байби противопоставляет частотность саму по себе частотности модели (*token frequency versus type frequency*) [Bybee 2003: 604—605]. Высокая частотность в тексте сама по себе не определяет продуктивность, поскольку может быть вызвана лексикализацией: как видно из развития английского отрицания, большое количество употреблений *no* в определенный период вызвано сочетанием с частотными вспомогательными глаголами *be* и *have* или некоторыми идиоматизированными лексическими глаголами [Bybee 2010: 99].

Применительно к калмыцким данным, нельзя сказать, что стяженные формы более частотны *per se*, чем полные (наоборот), или что они сочетаются с наиболее частотными грамматическими формами (см. выше о причастии прошедшего времени) или частотными служебными словами. Однако формируется модель использования обеих стяженных форм *-go* и *-šə* с причастием будущего времени на *-x* преимущественно в предикативном употреблении. Видимо по семантическим причинам, эта форма, совмещающая значение настоящего и будущего времени, отрицается в целом чаще других глагольных форм (N=2051 или 5,27% случаев с разными отрицаниями, тогда как причастие прошедшего времени встречается с отрицанием только в 1,2% случаев). Частотность этой формы с отрицанием, возможно, влияет на образование стяженной, т. е. фонетически редуцированной, формы *-šə* по аналогии с *-go*. В свою очередь, причастие будущего времени в финитном употреблении со стяженной формой образует модель и, несомненно, оказывает влияние на появление форм стяженного отрицания с собственно финитной формой прошедшего времени на *-v* или тенденцию использования отрицания *-go* с теми формами, которые могут использоваться финитно без связи.

6. Заключение

Итак, анализ употребления полных и стяженных форм отрицания в калмыцком языке показывает, что стяженные формы частично распределены с полными в современном калмыцком языке как в устной речи, так и в письменных текстах по корпусным данным.

Отношения между парами *bišə* — аффикс *-šə* и показатель *uga* — аффикс *-go* демонстрируют как единство на уровне модели использования стяженной формы отрицания, так и особенности, характерные для каждой из пар.

Полная форма *bišə* и аффикс *-šə* на синхронном уровне разделены следующим образом:

- с именами и в неглагольных предложениях употребляется полная форма *bišə* и не встречается аффикс *-šə*;
- с финитными формами не используется полная форма, но аффикс *-šə* иногда сочетается с финитной формой прошедшего времени на *-v*;
- с нефинитными формами глагола (причастиями) могут быть оба варианта, но аффикс *-šə* является нейтральным способом отрицания в сочетании с причастием будущего времени и иногда с финитной формой прошедшего времени, тогда как отрицание *bišə* используется с причастными формами в качестве прагматически выделенного отрицания (риторический вопрос и пр.), часто с аффиксом, восходящим к утвердительной связке.

Таким образом, есть небольшая зона синонимичного использования полной и стяженной формы с причастиями будущего времени, требующая, тем не менее, для полной формы специального морфологического оформления и семантического выделения.

Для второй пары полная форма *uga* vs аффикс *-go* по корпусным данным также отчетливо прослеживается тенденция к распределению форм.

- отрицание в неглагольных предложениях (экзистенциальных) или именное отрицание выражается только полной формой, хотя некоторые отрицательные прилагательные могут образовываться аффиксом *-go*;
- с финитными формами не сочетаются;
- нефинитные формы распределены: формы апрехензива на *-vz/-vzgo* и причастие будущего времени на *-x* или хабитуальное причастие на *-dag* сочетаются только или почти исключительно с аффиксом, тогда как причастие прошедшего времени на *-sən*, соединительное и разделительное деепричастия — только или почти только с полной формой *uga*;
- зоной пересечения и конкуренции становится форма на *-l*, которая может быть как слитным деепричастием, так и словообразовательным аффиксом отглагольных существительных.

Таким образом, можно говорить о том, что в калмыцком формируется модель, при которой в неглагольном предложении отрицание выражается полными формами *bišə* или *uga* в зависимости от семантики / типа предикации. Стяженные формы используются в глагольных предложениях с различными нефинитными формами, преимущественно теми, что тяготеют к бессвязочному употреблению, а аффикс *-šə* спорадически встречается с финитной формой прошедшего времени.

Г л о с с ы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
 ACC — винительный падеж
 COP.AFF — усилительная частица
 CVB.ANT — «разделительное деепричастие»
 CVB.IPF — имперфективное («соединительное») деепричастие
 CVB.MOD — слитное или модальное деепричастие
 CVB.SUCC — условное деепричастие
 DAT — дательный падеж
 EVD — эвиденциальное прошедшее время
 EXT — неустойчивое -n в номинативе слов одного из склонений, частично выпадающее в косвенных падежах
 INS — орудный падеж (инструменталис)
 GEN — родительный падеж
 NEG — отрицание
 NEG.PRS — отрицательная связка в настоящем времени
 NMLZ — номинализация
 P — личный посессивный показатель
 PL — множественное число
 PC.FUT — причастие будущего времени
 PC.HAB — хабитуальное («многократное») причастие
 PC.PST — причастие прошедшего времени
 PROG — прогрессив
 PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 RECP — реципрок
 SG — единственное число

Л и т е р а т у р а

Баранова, в печати — Баранова В. В. Аффикс -go в калмыцкой устной и письменной речи // Материалы конференции по монгольскому языкознанию / Под. ред. Рыкина П. О. В печати. {Baranova V. V. Affix '-go' in Kalmyk oral and written speech // Materials of the Mongolian linguistics conference / Ed. Rykin P. O. In print.}

Бембеев 2004 — Бембеев Е. В. Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности: «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши». М., 2004. {Bembeev E. V. Linguistic description of Old Kalmyk (Oirat) literary monument, The Tale of Going to Tibetan Country by Baaza-bakshi from Malye Derbyet. M., 2004.}

БК 2014 — Бурятский корпус // http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru, 2014. {Buryat corpus // <http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/>, 2014.}

КК — Калмыцкий корпус // <http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/>. {Kalmyk corpus // <http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/>.}

Кокшаева 2011 — Кокшаева Н. О. Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста, 2011. {Kokshaeva N. O. Linguistic features of the epistolary heritage of Kalmyk Khan Donduk-Dashi (middle of the 18th century). Elista, 2011.}

НККЯ 2012 — Национальный корпус калмыцкого языка // kalmcorp.ru, 2012. {National corpus of the Kalmyk language // kalmcorp.ru, 2012.}

Пюрбеев 1974 — Пюрбеев Г. Ц. Формы двойного отрицания в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974. С. 327—334. {Pyurbeev G. C. Forms of double negative in Mongolian languages // Problems of Altaic and Mongolic studies. Is. 1. Elista, 1974. P. 327—334.}

Пюрбеев 2012 — Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М., Калуга, 2012. {Pyurbeev G. C. "Khalkha Jirum", a monument of 18th century Mongolian law. Vocabulary. Grammar. Transliteration of the text. M., Kaluga, 2012.}

Пюрбеев 2015 — Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (Жаңһр дуулвр: сойл болн келн). Элиста, 2015. {Pyurbeev G. C. "Jangar" epic: Culture and language. Elista, 2015.}

Санжеев и др. 1983 — Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология / Под ред. Санжеева Г. Д. Элиста, 1983. {Kalmyk grammar. Phonetics and morphology / Ed. Sanzheev G. D. Elista, 1983.}

- Сай и др. 2009 — Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. СПб., 2009. {Studies in Kalmyk grammar / Ed. Say S. S., Baranova V. V., Serdobolskaya N. V. SPb., 2009.}
- Сусеева 2003 — Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714—1724 гг.). Элиста, 2003. {Suseeva D. A. Letters of Ayuka Khan and his contemporaries (1714—1724). Elista, 2003.}
- Тенишев, Тодаева 1966 — Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966 {Tenishev E. R., Todaeva B. Kh. Language of the Yellow Uyghurs. M., 1966.}
- Тодаева 1964 — Тодаева Б. Х. Баоаньский язык. М., 1964. {Todaeva B. Kh. Bonan language. M., 1964.}
- Baranova 2015 — Baranova V. Negation Markers in Kalmyk, Series: Linguistics, Working Paper BRP 24/LNG/2015 // <https://www.hse.ru/data/2015/11/18/1082029038/24LNG2015.pdf>, 2015.
- Binnick 2016 — Binnick R. Future and prospective in the Mongolic languages. Aspectuality and Temporality: Descriptive and theoretical issues / Ed. Guentchéva Z. Amsterdam, 2016. P. 599—624.
- Bybee 2003 — Bybee, J. L. Mechanisms of change in grammaticization: the role of frequency / Eds. Joseph B. D., Janda R. D. The handbook of historical linguistics. Oxford, 2003. P. 602—623.
- Bybee 2010 — Bybee J. L. Language, usage and cognition. Cambridge, 2010.
- Brosig 2015 — Brosig B. Negation in Mongolic // SUSA / Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 95. P. 67—136.
- Horn 2010 — Horn L. R. Multiple negation in English and other languages / Ed. Horn L. R. The expression of negation. Berlin, New York, 2010. P. 111—148.
- Krueger, Service 2002 — Kalmyk old-script documents of Isaac Jacob Schmidt 1800—1810 / Eds. Krueger J. R., Service R. G. Todo Biciq texts, transcription, translation from the Moravian Archives at Herrnhut. Wiesbaden, 2002.
- Miestamo 2005 — Miestamo M. Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin, New York, 2005.
- Nugteren 2003 — Nugteren H. Shira Yughur // The Mongolic Languages. / Ed. Janhunen J. London, 2003. P. 265—285.
- Rákos 2015 — Rákos A. Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirad Dialects. Budapest, 2015.
- Veselinova 2013 — Veselinova L. Negative existentials: a cross linguistic study // Italian Journal of Linguistics: Special Issue on Existential Constructions. 2013, 25. P. 107—146.
- Wu 2003 — Wu H. Bonan / The Mongolic Languages / Ed. Janhunen J. New York, 2003. P. 325—345.
- Yu 1991 — Yu Wonsoo. A study of Mongolian negation. Bloomington. Unpublished doctoral thesis.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются отрицательные аффиксы в калмыцком языке на материале устной речи и письменных текстов. Монгольские языки обладают чрезвычайно разработанной системой отрицательных показателей, унаследованной из набора общемонгольских элементов. Калмыцкие данные интересны на фоне других монгольских языков грамматикализацией показателей отрицания: образованием стяженной формы *-šə* (< *bišə*) и дальнейшим развитием аффикса *go* (> *uga*). Исследование основано на полевых материалах, записанных в Кетченеровском районе, а также на материалах двух корпусов текстов (Калмыцкого корпуса и Национального корпуса калмыцкого языка). Традиционно стяженные варианты отрицательных показателей рассматриваются как синонимы полных форм, однако данные полевой работы и корпусного исследования показывают, что в современном калмыцком языке, особенно в устной речи, происходит дальнейшая грамматикализация отрицания и намечается тенденция к дистрибуции полных и стяженных форм. Стяженные показатели преимущественно используются с глагольными формами, а полные с именами или в неглагольной предикации. В тех случаях, когда возможно употребление как полных форм, так и аффикса, например, в сочетании с причастием будущего времени, ограничения носят прагматический и модальный оттенок: полная форма имеет значение должностования и передает эмфатическое выделение, тогда как стяженная форма является нейтральным способом отрицания настоящего времени.

SUMMARY

This paper addresses the issue of shortened form of negative markers in Kalmyk. Mongolic languages have a very elaborate system of negative markers, partly inherited from the Old / Middle Mongolian negation. The current study is based on the field data from the Ketchenerovsky region, Republic of Kalmykia, as well as on two corpora (Kalmyk National Corpus and the National Corpus of Kalmyk Language). It presents a study of negative markers *bišə* and *-šə* and *uga* and *go* respectively. The study shows that there is a distribution of full and constructed version of negative markers. Full forms occur with nouns and in nonverbal predication while affixes are used mainly in verbal sentences. The distribution is also tied to several prag-

matic and modal factors, for example, the marker *bišə* is used with future participle ending on -x to express the emphatic form with modal meaning, while the contracted form -šə with this participle is the neutral way to express negation.

Ключевые слова: калмыцкий язык, монгольский языки, отрицание, отрицательные аффиксы, частотность

Keywords: Kalmyk, Mongolic languages, negation, negative affixes, frequency

Баранова Влада Вячеславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); vbaranova@hse.ru

Vlada V. Baranova, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg), Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg); vbaranova@hse.ru